ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Новикова И.Н.
Novikova I.N.

УРОКИ ЯЛТЫ: К 80-ЛЕТИЮ КРЫМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ГЛАВ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

YALTA LESSONS: ON THE 80TH ANNIVERSARY OF THE CRIMEAN CONFERENCEOF THE HEADS OF THE ANTI-HITLER COALITION

Аннотация. Данная статья представляет собой глубокий анализ Ялтинской конференции 1945 года, подчеркивающий её влияние на формирование послевоенной архитектуры Европы и критически рассматривающий её переосмысление в современных политических контекстах. Автор отмечает, что контроль над исторической памятью служит мощным инструментом политической манипуляции, способным формировать общественное мнение и изменять интерпретацию ключевых исторических событий. Переосмысленная историческая память выходит за рамки научного дискурса и активно используется в политических целях. Это процесс создаёт прецеденты для искажения объективного восприятия истории, что автор подкрепляет ссылками на работы зарубежных историков, указывая на значимость Ялтинской конференции как этапа на пути к восстановлению мира в Европе.

Ключевые слова: Ялтинская конференция, антигитлеровская коалиция, историческая память, «холодная война».

Summary. This article is an in-depth analysis of the Yalta Conference in 1945, highlighting its impact on the formation of the post-war architecture of Europe and critically examining its reinterpretation in modern political contexts. The author notes that the control of historical memory serves as a powerful tool of political manipulation, capable of shaping public opinion and changing the interpretation of key historical events. The reinterpreted historical memory goes beyond the scope of scientific discourse and is actively used for political purposes. This process creates precedents for distorting the objective perception of history, which the author supports with references to the works of foreign historians, pointing out the importance of the Yalta Conference as a stage on the way to restoring peace in Europe.

Key-words: The Yalta Conference, the anti-Hitler coalition, historical memory, the Cold War.

Известно, кто контролирует прошлое, создает и будущее. Битвы за историческую память напоминают сегодня бои без правил, когда предпринимаются попытки рассматривать те или иные события прошлого сквозь призму современной политической конъюнктуры, забывая о том, что политические лидеры прошлого жили в другое время, в других условиях и руководствовались иными мотивами. Вопросы истории, исторической памяти стали мощным инструментом манипуляции общественного сознания, инструментом информационно-психологической борьбы. Это относится и к роли СССР в разгроме нацизма, и к современным оценкам конференций Антигитлеровской коалиции, включая Ялтинскую конференцию 1945 г.

Справедливости ради следует упомянуть, что конференцию «Большой Тройки», которая проходила в начале февраля 1945 г.

современники не называли Ялтинской. Ее называли Крымской конференцией, и именно это название значится в договоренностях, обнародованных по ее итогам. Однако понятие «Ялта» с тех пор активно используется в историческом дискурсе. И если в исторической памяти россиян Ялта ассоциируется с позитивными моментами: рассматривается как высшая точка союзничества, то в исторической памяти народов Центрально-восточной Европы (ЦВЕ), стран Балтии в последние 30 лет формируется негативный образ Ялтинской конференции. Активно насаждается тезис о так называемом «ялтинском предательстве» стран Центрально-Восточной Европы.

Переписывание истории в подобном ключе началось примерно с начала 1990-х гг., когда распалась мировая система социализма и страны ЦВЕ взяли курс на «возвращение в Европу» путем вступления в НАТО и ЕС. Интеграция с Европейским союзом и Североатлантическим альянсом чаще всего представлялась как преодоление «разделения континента», ставшего следствием договоренностей, достигнутых на конференциях в Тегеране, Ялте и Потсдаме. При этом на Западе больше всего критикуется именно Крымская конференция, которая рассматривается как синоним «раскола» Европы, как большое зло и величайшая несправедливость. Переписывание истории в подобном ключе ускорил визит в Ригу в 2005 г. президента США Дж. Буша-младшего. Посещая Латвию, как новоиспеченного члена НАТО, Буш заявил о том, что лидеры «Большой тройки» – И.В. Сталин, Ф.Д. Рузвельт и У. Черчилль, обсуждая в Ялте послевоенное устройство Европы, совершили «одну из величайших ошибок в истории». Буш сравнил Ялтинскую конференцию с Мюнхенским сговором и советско-германским пактом о ненападении 1939 г., утверждая, что в Ялте Запад «предал» Восточную Европу [10, с. 694].

Подобные взгляды еще совсем недавно были маргинальными. В худшие годы «холодной войны» зарубежные ученые, критикуя внешнюю политику СССР, тем не менее, не ставили под сомнение выдающееся значение Ялтинской конференции для будущего Европы, послевоенного устройства мира. Американские историки, при всей их нелюбви к И.В. Сталину, тем не менее не оспаривали выдающееся значение Ялты. Так, в книге известного американского историка дипломатии Дайаны Клеменс указывается, что на Ялтинской конференции советские дипломаты были настроены на сотрудничество с союзниками и поиск компромиссов. Американская исследовательница употребляет выражение «дух Ялты», понимая под данным словосочетанием «высокую долю консенсуса», «дух компромисса, общих поисков и сотрудничества, которые превалировали в Ялте, несмотря на сильные различия в целях» [9]. Другой американский историк Этан Теохарис указывает, что Ялта была примером «осторожного сотрудничества и доверия». Ее основное кредо заключалось в том, что мир и взаимопонимание основываются на готовности к переговорам и компромиссу [13].

К глубочайшему сожалению, оценки Ялтинской конференции в последнее время меняются кардинально. В противоречии со здравым смыслом и историческими фактами, в общественном мнении Запада формируются новые мифы, принижающие вклад СССР в разгром фашистской Германии. Ялта уже называется «вторым Мюнхеном» или «величайшей ошибкой» союзников. Налицо, безусловное желание некоторых политических элит представить Ялтинскую конференцию либо в качестве незначительного события мировой истории, либо сделать акцент на аморальности ее решений. У России как правопреемницы СССР стараются отобрать то, что объединяет все постсоветское пространство, то, на чем держится наша послевоенная идентичность – это Великая Победа над нацизмом.

Можно, конечно, не замечать высказывания западных политиков, но проблема заключается в том, что историческую память обычно формируют не историки, а СМИ и политики, которые думают не об исторической правде, а об электорате. В эпоху постправды, к сожалению, объективные факты являются менее значимыми при формировании общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям. Информационные потоки, намеренно конструируются с помощью СМИ для создания нужной, часто отличной от реальности картины, в частности, это касается и оценки конференций Антигитлеровской коалиции, роли СССР в разгроме нацизма

В общественном мнении Запада часто можно встретить утверждение о том, что решения Ялтинской конференции якобы санкционировали раскол Европы. Это утверждение в корне неверно. Наоборот, принятая на конференции «Декларация об освобожденной Европе» базировалась на идее примирения и заложила фундамент для политической реконструкции всего Европейского континента. Главы союзных правительств, в частности, обязались согласовывать друг с другом свою политику разрешения политических и экономических проблем освобожденных стран в период их временной послевоенной нестабильности демократическими методами. Декларация предполагала восстановление суверенных прав народов этих территорий, а также право союзников совместно «помогать» этим народам «улучшать условия» для осуществления этих самых прав [1]. Однако идея примирения, на которой базировалась Ялтинская конференция, идея совместной помощи освобожденным народам, так и не стала реальностью в послевоенной Европе, но – это не столько вина творцов Ялтинского миропорядка, сколько вина их преемников.

Второй аспект, который представляется важным для оценки значения Ялтинской конференции для послевоенного мирного урегулирования – это атмосфера поиска компромиссов по самым сложным международным вопросам. Ялтинская конференция проходила в то время, когда военно-стратегическое положение Германии было уже катастрофическим. Советские войска находились в 60 км от Берлина, англо-американские войска в 500 км от Берлина. В этой благоприятной стратегической

обстановке советский лидер И. Сталин имел мощные рычаги давления на своих союзников, отстаивая собственные идеи будущего Европы. Однако, вместо тактики выкручивания рук, он предпочитал договариваться с союзниками.

В своей европейской политике (прежде всего, в отношении Германии и стран Центральной и Восточной Европы – ЦВЕ) главная цель И. Сталина заключалась в том, чтобы обеспечить национальную безопасность СССР, выработать такие условия мира, которые исключали бы любую возможность повторения агрессии со стороны Германии и ее союзников. Советское руководство в своих действиях руководствовалось простым мотивом – наша страна – Россия/СССР – дважды за короткий исторический отрезок стала жертвой агрессии со стороны Германии (сначала – кайзеровской, затем – нацистской). Поэтому вопросы о том, какое послевоенное устройство будет иметь Германия, кто будет доминировать на освобожденном Красной Армией от нацизма пространстве ЦВЕ являлись проблемами первостепенной важности для обеспечения безопасности нашей страны в будущем. Чтобы исключить возможность повторения агрессии со стороны Германии СССР отстаивал положения о ее демилитаризации, денацификации и демократизации.

Советское руководство также не могло допустить восстановления в регионе Восточной Европы пресловутого «санитарного кордона», созданного Западными державами в межвоенный период. Обе мировые войны XX столетия велись во многом за Восточную Европу, причем, как справедливо отмечает Н.А. Нарочницкая, «планы Гитлера немногим отличались от планов кайзера Вильгельма – завоевание Прибалтики, отторжение Украины и Польши, оттеснение России от Балтийского и Черного морей» [6, с. 19]. Исторический опыт показывал, что СССР, действительно, нуждался в создании в регионе Восточной Европы пояса безопасности из дружественных стран. В 1945 г. речь не шла о советизации этих государств. Для Москвы принципиально важный вопрос заключался в том, чтобы страны, попавшие в зону влияния СССР, проводили дружественную политику. Сталин не имел намерения проводить жесткие линии раздела в Европе.

Как показывают выступления на конференции американской делегации, для США будущее Европы не было в Ялте особенно актуальным. Рузвельт длительное время старался избегать дискуссий и конкретных решений о послевоенном устройстве Европы, называя в качестве приоритетов окончание войны на Дальнем Востоке и создание ООН, с помощью которой существенно обогатившиеся на войне США стремились распространить свое влияние на весь мир. В данной связи, Ялтинская конференция стала важным рубежом для американской дипломатии. Именно в Ялте США активно включились в европейскую политику. В германском вопросе еще в 1944 г. было высказано предложение государственного секретаря Генри Моргентау, в котором предлагалось навязать Германии «карательный» мир – она должна была превратиться в

«пастушескую страну», а такие ее индустриальные части, как например, Рур, следовало передать Франции. Рузвельт также выступал за расчленение Германии, раздел на пять и даже семь государств. Британия, в целом, поддерживая идею расчленения Германии, вместе с тем являлась сторонницей снижения влияния СССР на будущее Европы [8, с. 83–85]. Для позиции СССР по германскому вопросу была характерной реплика Сталина на предложение Черчилля обсудить вопрос о будущем Германии, если, как он выразился, «у нее будет какое-либо будущее» [4, с. 333]. В итоге, в основе принятых по Германии решений уже в Потсдаме лежала идея единства Германии и то, что удалось эту идею тогда отстоять – большая заслуга советской дипломатии.

Черчилль проводил политику сдерживания в отношении целей СССР в Восточной Европе, но очень осторожно, понимая, что накануне решающих боев за Берлин необходимы были поиски компромиссов с Москвой во имя скорейшей победы. В итоге, большинство вопросов, касавшихся послевоенного устройства Европы, стали результатом компромиссов: Рузвельт и Черчилль признавали факт советского доминирования в ЦВЕ, в то время как Сталин поддержал американский план создания ООН. В Ялте декларировалось единство политики победителей в отношении побежденной Германии, закрепленное в ходе Потсдамской конференции.

На Ялтинской конференции вообще не было недостатка в заявлениях о необходимости сохранения взаимопонимания и сотрудничества союзников в послевоенной Европе. Сталин, в частности, указывал на то, «союз против общего врага – это нечто ясное и понятное. Гораздо более сложное дело – …союз для обеспечения мира и сохранения плодов победы… в эти дни … заложены юридические основы обеспечения безопасности и укрепления мира, – это большое достижение. Это поворотный пункт» [3, с. 392]. Рузвельт, в свою очередь, выступая в Конгрессе США по итогам работы Ялтинской конференции, характеризовал ее как «конец системы односторонних действий, замкнутых союзов, сфер влияния и всех других политических интриг…» [3, с. 385]. Оценивая ход переговоров и их результаты, американский президент подчеркнул: «Никогда в истории не было ещё случая, чтобы главные союзники были столь едины не только в целях войны, но и во взглядах на мир» [3, с. 385]. Смерть Ф.Д. Рузвельта в апреле 1945 г. имела серьезные последствия для послевоенного устройства мира. Сменивший Рузвельта на посту президента Г. Трумэн оказался не способным понять реалистичный подход своего предшественника, сочетавшего заявления о принципах послевоенного устройства на основе ООН с личными гарантиями Сталину о признании советских интересов в сфере национальной безопасности СССР.

Первые послевоенные годы были отмечены значительными трениями и даже кризисами в отношениях между СССР и его западными партнерами. Например, почти сразу после Ялты, в апреле 1945 г., британский премьер-министр У. Черчилль дал поручение Комитету начальников штабов подготовить доклад о потенциальной войне против СССР, получивший в

литературе название операции «Немыслимое» [2, с. 126–142; 5, с. 79–81]. Однако, исследователям следует избегать излишней драматизации конфликтов между союзниками в 1945–1946 гг. Стремление к выработке компромиссов по-прежнему преобладало в советской и западной дипломатии, продолжавших рассматривать друг друга скорее в качестве союзников, нежели антагонистов. Даже знаменитая «Фултонская речь» Черчилля, произнесенная в марте 1946 г., не оспаривала мысль о желательности сохранения «великого союза». Речь содержала не только осуждение советской политики в регионе ЦВЕ. Черчилль также высказал восхищение Сталиным и мужеством советского народа. Он упоминал и о возможности продления англо-советского союзного договора сроком на 50 лет, равно как и необходимости достижения «доброго понимания» с СССР. К сожалению, американское и британское правительства отказались поддержать подобную позицию бывшего британского премьера [2, с. 141; 11, с. 14]. Несмотря на жесткую критику экс-главы британского правительства в советской прессе, Сталин на протяжении 1946 г. продолжал публично высказываться о возможности не только «мирного сосуществования», но и сотрудничества СССР и США. Последнее такое его заявление датируется маем 1947 г. [11, с. 14]. СССР не нужна была «холодная война». Страна, лежавшая в руинах, остро нуждалась в «мирной передышке» и сотрудничестве с западными странами.

Следующий важный аспект Ялтинской конференции, который нашел продолжение в Потсдаме, но в итоге не утвердился в послевоенном мире, заключается в том, что она заложила основу для решения политических проблем Европы на четырехсторонней основе. Подобная архитектура безопасности имела больше общего с традиционным «концертом», точнее эквилибриумом великих держав и первоначально напоминала довольно устойчивую Венскую систему международных отношений, в которой расположенные на периферии европейского континента супердержавы (Россия и Британия), балансируя друг с другом, имели значительный перевес над прочими великими державами.

Послевоенный европейский порядок был также заложен серией мирных договоров и соглашений с бывшими союзниками нацистской Германии, подписанными в Париже в феврале 1947 г. Все они содержали общие принципы «Декларации об освобожденной Европе». В их числе была демократизация, денацификация, запрещение крайне правых партий и группировок, демилитаризация или ограничение вооружений. Таким образом, основополагающие документы, касавшиеся послевоенного урегулирования в Европе, апеллировали к принципам, заложенным в Ялте. Проблемы реализации этих принципов должны были решаться не одной супердержавой, а концертом великих держав, на четырехсторонней основе, на основе взаимного равноправия. Инструментом выступали совещания министров иностранных дел (СМИД) «большой четверки».

На заключительном этапе войны и вплоть до середины 1947 г. советское руководство не ставило перед собой цели формирования

однопартийных коммунистических режимов и довольствовалось созданием на западной границе СССР пояса безопасности из дружественных государств. Моральный авторитет СССР как освободителя Европы от нацизма в Восточной Европе был настолько высоким, что не было необходимости насаждать прокоммунистические режимы в этом регионе. Никто из очевидцев не мог поставить под сомнение решающую роль СССР в победе над нацизмом. Как писала по этому поводу Эйза Бриггс: «Для многих в раздираемой войной Европе коммунизм ассоциировался с освободительной идеалистической верой, незапятнанной ассоциациями с кризисом капитализма и либеральной демократии в 1930-е годы или фашистским варварством в сороковые». Многие будущие лидеры Восточной Европы – Эрик Хоннекер, Густав Гусак имели солидные доказательства своих антифашистских взглядов, поскольку провели долгие годы в нацистских тюрьмах. Ориентирующиеся на Советский Союз политические партии вошли в состав правительств Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии и Болгарии.

Социально-политическая система восточноевропейских стран после окончания войны формировалась под советским контролем, однако парламентаризм и многопартийность также имели место. Москва терпимо относилась к некоммунистическим умеренным партиям и поощряла создание коалиций и объединение партий и движений в народные фронты, стоявшие на демократических позициях. Необходимость сотрудничества с западными союзниками в послевоенном обустройстве Европы заставляла СССР сдерживать стремление местных компартий к монопольному захвату власти и установлению диктатуры пролетариата. Так, в частности, в Москве критиковали Г. Димитрова в Болгарии, стремившегося к полному уничтожению оппозиции. Сталин высказывался за более гибкий курс на сохранение хотя бы видимости коалиции с некоммунистическими политическими силами. Он даже советовал Тито убрать красные звезды с военной формы Югославской народной армии, чтобы «не пугать англичан» [7, с. 45].

В германском вопросе, как следует из высказываний В.М. Молотова в ходе Парижского совещания СМИД в июле 1946 г., равно как и его речи от 10 июля, советская дипломатия рассчитывала на образование, в конечном счете, единого германского (нейтрального) государства. Москва придерживалась политического решения «германского вопроса» на четырехсторонней основе [12, с. 343]. В ходе Берлинского кризиса именно Сталин, протестуя против политики раскола Германии, вновь призывал к возвращению к принципам Ялты и Потсдама. Несмотря на разницу подходов, вплоть до 1948 г. германский вопрос и перспективы его послевоенного урегулирования обсуждались коллективно и принимались согласованно представителями СССР, США, Англии и Франции.

Только на пятой сессии СМИД в декабре 1947 г. в Лондоне западная дипломатия окончательно отошла от принципа разрешения противоречий в рамках «большой четверки». Переговоры вокруг международных гарантий

демилитаризации Германии зашли в тупик. В 1949 г. окончательный раскол Европы была закреплен созданием двух германских государств и военно-политического блока НАТО. США, безусловно, рассчитывали, что успех экономической реконструкции Западной Европы на основе «плана Маршалла» будет силой притяжения для восточноевропейских стран в их стремлении выйти из-под советского контроля.

Советизация Восточной Европы началась в 1947 г., главным образом, в ответ на провозглашение «плана Маршалла». Этот план ставил под угрозу монополию СССР на определение экономического развития его восточноевропейских союзников. Особенно большие опасения вызвала позиция Чехословакии, намеревавшейся принять участие в работе парижского совещания министров иностранных дел в июле 1947 г. Особая позиция чехов ускорила выработку в Москве «нового курса» в отношениях со странами Восточной Европы. План был неприемлем для СССР, потому что его главная идея состояла не в восстановлении, а в реорганизации европейского экономического пространства на американские деньги и при неформальном американском лидерстве. Советский Союз не мог согласиться на такой план, поскольку он изолировал СССР, ограничивал его самостоятельность и «уводил» бы от него новых союзников в Восточной Европе. После принятия «Плана Маршалла» В Москве переосмыслили и доктрину «сдерживания» коммунизма, выдвинутую президентом Трумэном несколькими месяцами ранее, в марте 1947 г. Действия американской администрации стали восприниматься как курс на строительство антисоветского блока в Западной Европе [11, с. 25].

Тем не менее, принятые в Ялте принципы послевоенного европейского урегулирования не были полностью забыты даже в самые острые фазы «холодной войны». Например, на Берлинской конференции 1954 г. советская дипломатия выдвинула идею создания системы европейской безопасности, на основе признания двух германских государств и общеевропейского договора о безопасности. В среднесрочной перспективе система европейской безопасности была направлена на признание Западом положения вещей в Европе, сложившегося после 1945 года (включая существование коммунистических режимов в Восточной Европе). Запад не был готов принять советскую инициативу европейской безопасности, но его позиция менялась. После Женевской конференции 1955 г. произошел заметный сдвиг: если прежде западная дипломатия была готова говорить о безопасности в Европе и преодолении «холодной войны» только после объединения Германии, то теперь последнее стало восприниматься не как начало, а как итог длительного переговорного процесса с СССР по вопросам безопасности [12, с. 346]. В конечном счете, это сделало возможным подписание Хельсинских соглашений 1975 г., утвердивших международно-правовые рамки европейского порядка, основывавшегося на закреплении итогов Второй мировой войны, принципа нерушимости границ, территориальной

целостности и невмешательства во внутренние дела иностранных государств.

Как оценить результаты Ялтинской конференции для послевоенной Европы 80 лет спустя? Ответ на этот вопрос дают, прежде всего, материалы самой конференции. Если взять основные вопросы конференции (германский, польский, создание ООН, проблема репараций т.д.) то мы видим, что участники конференции занимали разные, подчас противоположные позиции. В течение семи дней они энергично отстаивали свои точки зрения. Но вместе с тем лидеры Антигитлеровской коалиции научились слышать оппонентов, учитывать позиции партнеров по переговорам, что позволило, в конечном счете, найти решения по ключевым вопросам повести дня.

Для правильного определения места и роли Ялтинской конференции в истории международных отношений имеет значение и ответ на вопрос, какой политический курс восторжествовал на конференции – курс на конфронтацию или на сотрудничество и поиск взаимоприемлемых компромиссов? Крымская конференция – это редкий пример в истории, когда страны с разной системой ценностей, идеологией отдали предпочтение достижению взаимоприемлемых соглашений, нежели односторонним действиям одной супердержавы или блока держав. Именно в этом заключается один из уроков Ялтинской конференции.

Другой, не менее важный урок Ялты состоит в том, что страны-победители смогли выработать общие подходы, которые исключили бы, по возможности, сведения счетов с побежденными. Послевоенная Европа была создана на основе принципа примирения. Это была новая фаза в истории, в основу которой легли демократические идеи, учитывающие опыт истории, народов Европы. К сожалению, современная Европа имеет мало общего с тем, какой ее видели и от чего предостерегали лидеры «Большой тройки».

Оценивая результаты Крымской конференции сегодня, бросается в глаза колоссальное чувство ответственности за будущее мира, которое разделяли лидеры «Большой Тройки». Решения на конференции принимались лидерами с разным жизненным опытом, своими планами, людьми, принадлежащими к разным народам и культурам. Эти люди олицетворяли опыт поколения, прошедшего через две мировых войны, их стремление добиться мира хотя бы лет на 50. Первым эту мысль на конференции высказал Рузвельт, затем ее развил Сталин: «…пройдет 10 лет или может быть меньше, и мы исчезнем. Придет новое поколение, которое не прошло через все то, что мы пережили, которое на многие вопросы, вероятно, будет смотреть иначе, чем мы. Что будет тогда?». «Большая Тройка» думала о будущем, о своих преемниках, как обеспечить необходимый запас прочности для преемников.

На Ялтинской конференции были заложены краеугольные камни послевоенного устройства Европы. Ему не суждено было стать внешнеполитической реальностью, но отдельные аспекты этого порядка сохранялись и в годы «холодной войны». Выработанные в Ялте и

закрепленные на Потсдамской конференции общие принципы политики в отношении побежденной Германии, решение ключевых проблем Европы на четырехсторонней основе, на основе принципа равноправия, могли стать альтернативой жесткому расколу на два противоборствующих лагеря в годы «холодной войны». Именно шаги администрации Г. Трумэна по экономической реконструкции Европы, расцененные в Москве как начало создания враждебного СССР блока западноевропейских стран, и попытка оторвать от Советского Союза ряд его восточноевропейских союзников подтолкнули Сталина к советизации Восточной Европы и эскалации международной напряженности.

Наконец, начало «холодной войны» было вызвано не только столкновением интересов и идеологий, но прежде всего, отсутствием доверия и тенденцией переоценивать агрессивность действий оппонента, его готовности выйти за рамки, очерченные в Ялте и Потсдаме. Последний вывод, как представляется, особенно важен и актуален в современных реалиях международных отношений.

Список литературы

1. Декларация об освобожденной Европе // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов. Том IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). – М.: Издательство политической литературы, 1979. [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/War_Conf/krim12_1.htm.
2. Дилкс Д. Черчилль и операция «Немыслимое», 1945 г. / Д. Дилкс // Новая и новейшая история. – 2002. – № 3. – С. 126–142.
3. Иванов Р. Сталин и союзники в 1941–1945 / Р. Иванов. – М., 2005. – 476 с.
4. Израэлян В.Л. Дипломатия в годы войны (1941–1945) / В.Л. Израэлян. – М.: Международные отношения, 1985. – 480 с.
5. Мягков М.Ю. Военные ведомства СССР и Англии в 1941–1945 годах: союз и противоборство / М.Ю. Мягков // Новая и новейшая история. – 2004. – № 2. – С. 67–81.
6. Нарочницкая Н.А. Великие войны XX столетия / Н.А. Нарочницкая. – М.: АЙРИС-пресс, 2007. – 352 с.
7. Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы, 1945–1953 / А.В. Пыжиков. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 319 с.
8. Ялта-45. Начертания нового мира / Отв. Ред. Н.А. Нарочницкая. – М.: Вече, 2010. – 300 с.
9. Clemens D.S. Yalta / D.S. Clemens. – New York: Oxford Univ. Press, 1970. – 356 p.
10. European History Quarterly. – 2012. – Vol 42 (4). – pp. 694–695.
11. Roberts J. The Soviet Union in World Politics. Coexistence, Revolution and Cold War, 1945-1991 / J. Roberts. – Taylor & Francis, 1998. – 142 p.
12. Soutou G-H. Was There a European Order in the Twentieth Century? From the Concert of Europe to the End of the Cold War / G-H. Soutou // Contemporary European History. – 2000. – Vol. 9. N. 3. – pp. 329–353.
13. Theoharis Athan G. The Yalta Myths: An Issue in U.S. Politics, 1945–1955. Columbia, 1970. – 263 p.